

Помимо бета-особей, альфы и омеги имеют определенный шанс пробудить в себе зверя-спутника. По мере роста уровня и силы владельца зверь-спутник способен эволюционировать, обретая еще более могущественную вторую форму. Альфы и омеги, обладающие эволюционировавшими зверями-спутниками, после частичного превращения в полузверя даже могут получить доступ к сверхъестественным силам, связанным с их зверем.

Вторая форма зверя-спутника Фэн Няня — могучий и властный Цилинь. Когда Фэн Нянь переходит в полузвериновую форму, у него вырастают оленьи рога, а тело покрывается слоем несокрушимой чешуи.

Шэнь Чжинань никогда не видел зверя-спутника Фэн Няня собственными глазами. Как человек, питающий к нему отвращение, мог призвать своего зверя в его присутствии? Точно так же, как в трущобах: даже если Фэн Нянь не хотел спасти его лично, он мог бы призвать зверя, чтобы тот защитил Шэнь Чжинаня.

Но Фэн Нянь этого не сделал.

Все знания Шэнь Чжинаня о звере-спутнике Фэн Няня почерпнуты из кадров сражений, транслируемых с фронта, и новостей. Точно так же, как и его знания о звере-спутнике императора Галактической Империи Хуа Цяньшуана — они взяты исключительно из видеоматериалов и прессы.

Вторая форма зверя-спутника Хуа Цяньшуана — черный дракон. Будучи императором-основателем Галактической Империи, этот могущественный альфа уже много лет не выступал в походы лично, и Шэнь Чжинань видел Хуа Цяньшуана в полузвериной форме только в архивах.

Длинный и толстый змеиный хвост, покрытый черной чешуей, выглядел мощно и пугающе. Помимо хвоста, на голове Хуа Цяньшуана красовалась пара драконьих рогов.

К сожалению, никто не знает, какими животными являются первые формы зверей-спутников как Фэн Няня, так и Хуа Цяньшуана.

Шэнь Чжинань был очень удачлив: он пробудил своего зверя-спутника еще в раннем детстве. Его зверь — белый голубь.

Белый голубь, запертый в высокой башне, должен был быть свободным.

Белая роза, растоптанная в пыли, должна была цвести на ветру.

Покинув комнату, Шэнь Чжинань с отсутствующим видом шаг за шагом спустился по лестнице и вышел из роскошного, но пустого главного дома резиденции генерала.

Он стоял в саду, засаженном белыми розами. Когда-то он наивно полагал, что Фэн Нянь

посадил их ради него, но позже узнал, что белые розы — любимые цветы Цзян Юэин.

Позади него возвышалось огромное здание виллы, темное, словно пасть глубинного зверя, а вдалеке виднелся маленький дворик, в котором горел свет, но который никогда не принадлежал ему.

Ветер принес слабый аромат роз, а вместе с ним — и ответное письмо, привязанное к белому голубю.

Глава 8: Пустота

— Сяо Нянь, если... если тебя тяготит этот ребенок, я могу избавиться от него.

— Юэин, не говори таких вещей. Я привел тебя сюда, чтобы ты могла как следует отдохнуть. Если тебя беспокоит вопрос воспитания ребенка, я могу гарантировать, что тебе не о чем тревожиться касательно вашего будущего.

Фэн Нянь стоял у окна во внутреннем дворике. Он поднял голову и бросил взгляд в сторону главного дома. Роскошное здание тонуло в крошечной тьме, словно сливаясь с ночной мглой, — мертвое и безжизненное.

В его воображении возникли отчаянные, полные скорби зеленые глаза.

Сейчас уже перевалило за полночь, Шэнь Чжинань, вероятно, давно спит.

Когда в трущобах внезапно произошел взрыв, он инстинктивно бросился защищать беременную Цзян Юэин — помимо того, что она ждала ребенка, возможно, им двигало и чувство вины.

Спустя три года, вновь увидев свою былую любовь, Фэн Нянь, даже не желая того, был вынужден признать: у него не осталось к Цзян Юэин ни капли любовных чувств.

Он разлюбил ее.

Фэн Нянь даже принял в душе решение, которое удивило его самого: он подумал, что, возможно, мог бы начать жить с Шэнь Чжинанем по-человечески.

Семья Шэнь обанкротилась и заплатила сполна.

Шэнь Чжинань тоже прожил эти пять лет нелегко, что можно считать расплатой за ошибки его юношеского упрямства.

В трущобах он в первую очередь защитил Цзян Юэин, и Шэнь Чжинань выглядел очень подавленным. На самом деле Фэн Нянь намеревался спасти и его, но на мгновение замешкался, и в этот момент выскочил Цзян Мэншань.

Он может попробовать относиться к Шэнь Чжинаню лучше, может помочь отцу Шэнь Чжинаня попасть на лечение в госпиталь Военного ведомства.

Но он также должен сказать Шэнь Чжинаню, что тот, будучи его омегой, должен держаться подальше от других альф, например, от Цзян Мэншаня.

Всхлипывания Цзян Юэин вернули Фэн Няня к реальности. Он посмотрел на женщину, которую когда-то любил, — она смотрела на него глазами, полными печали и слез.

— Сяо Нянь, ты презираешь меня... за то, что я была замужем?

Видя слезы Цзян Юэин, он, по правде говоря, чувствовал грусть, но не такую острую боль, как ожидал.

В голове Фэн Няня неотступно всплывал печальный взгляд Шэнь Чжинаня, брошенный на них с Цзян Юэин в трущобах.

Может быть, завтра на рассвете ему стоит срезать розу или даже целый букет любимых белых роз Шэнь Чжинаня и подарить своему номинальному омеге? Возможно, тогда Шэнь Чжинань повеселеет и перестанет каждый день кричать о разводе.

Ему не нравилось слышать слово развод из уст Шэнь Чжинаня — не нравилось три года назад, не нравится и сейчас.

Он подвел Цзян Юэин, Шэнь Чжинань причинил ей боль — они заслуживают того, чтобы мучить друг друга всю жизнь.

— Прости, Юэин, я женат.

Цзян Юэин заплакала еще горше. Она с недоверием посмотрела на Фэн Няня:

— Значит, ты бросаешь меня ради Шэнь Чжинаня? Сяо Нянь, неужели ты забыл, что именно он разлучил нас, заставил меня покинуть Имперскую столицу и выйти замуж за нелюбимого человека!

Голос Цзян Юэин охрип от плача, она почти истерично закричала:

— Он разрушил нас! Как ты можешь любить его... как ты можешь любить его, как и они!

Любить? Как он может любить Шэнь Чжинаня?

Фэн Нянь был так занят мыслями о том, как он мог бы полюбить Шэнь Чжинаня, что пропустил мимо ушей, что именно Цзян Юэин имела в виду под словом они.

Он покачал головой:

— Я не люблю его. За эти пять лет брака со мной ему пришлось несладко: семья Шэнь разорилась, семьи его брата и сестры распались. Шэнь Чжинань уже заплатил за все, что натворил тогда.

Эмоциональное состояние Цзян Юэин было нестабильным, поэтому Фэн Нянь позвал врачей и медсестер, а сам покинул дворик.

Он немного побродил по саду, машинально сорвал белую розу и медленно вошел в тихий, погруженный во тьму дом.

Раньше, возвращаясь, он всегда ночевал в гостевой комнате или кабинете, но сегодня, словно под действием чар, Фэн Нянь остановился у дверей главной спальни.

Шэнь Чжинань все-таки его омега. Если бы не утренний приступ боли у Цзян Юэин, он бы дождался, пока Шэнь Чжинань проснется.

Сжав губы, Фэн Нянь толкнул дверь. Его горло перехватило, но в следующее мгновение он замер.

В спальне было пусто, в воздухе лишь витал едва уловимый аромат белых роз.

Глава 9: Каков Его Величество?

В летательном аппарате, направлявшемся к Императорскому дворцу, было всего двое.

Цзян Мэншань, сидевший в кресле пилота и наблюдавший за автопилотом, и Шэнь Чжинань, сидевший на пассажирском месте и витавший где-то далеко.

Пять лет назад, на церемонии совершеннолетия в восемнадцать лет, именно Цзян Мэншань шел впереди, ведя его на тайную аудиенцию к правителю Галактической Империи.

Сегодня, спустя пять лет, именно Цзян Мэншань по приказу заехал за ним в резиденцию генерала, чтобы доставить в Императорский дворец.

Императорский дворец находился прямо над Имперской столицей. Это было место, куда обычным людям путь заказан: даже отец Шэнь Чжинаня, будучи когда-то богатейшим

человеком столицы, не удостоился чести войти в дворец и предстать перед Его Величеством.

Фэн Няня, как новую звезду империи с выдающимися боевыми заслугами, не раз приглашали на дворцовые приемы, но он ни разу не взял с собой Шэнь Чжинаня.

Палящий в небе дворец при взгляде с земли напоминал луну.

По мере приближения аппарата очертания дворца становились все отчетливее. Оказалось, что он выглядит как сияющая луна, потому что окутан световым кольцом — своего рода защитным куполом.

Даже подготовив себя к мысли, что он отдает себя императору, Шэнь Чжинань не мог избавиться от напряжения и страха.

— Глава департамента Цзян, каков Его Величество как человек?

Шэнь Чжинань смотрел вверх на приближающийся дворец. Издалека он не казался огромным, но по мере сближения стало понятно, что он гораздо больше, чем можно было представить. Это был не столько дворец, сколько целый город.

Они с Цзян Мэншанем виделись всего трижды: пять лет назад на совершеннолети, утром в трущобах и сейчас. Они были едва знакомы, и Шэнь Чжинань не рассчитывал на ответ, ведь речь шла о правителе империи.

Прозрачное стекло корабля отражало холодное, безупречное лицо Цзян Мэншаня. Его голос звучал так же безэмоционально, как у робота:

— Мужчина.

Шэнь Чжинань опешил, решив, что ослышался:

— Я думал, вы просто выглядите как ледяная глыба, но не ожидал, что вы еще и шутите.

Цзян Мэншань сохранял невозмутимое выражение лица, словно окаменевшая статуя:

— Он — бог Галактической Империи, но также и мужчина из плоти и крови, со своими желаниями.

Невыразимый стыд, подобно цунами, захлестнул Шэнь Чжинаня в одно мгновение.

Значит, это была не шутка.

И он, и Цзян Мэншань прекрасно понимали, зачем он направляется на аудиенцию к императору. Шэнь Чжинань наконец понял, почему Цзян Мэншань назвал Его Величество

мужчиной.

Если сорвать с императора слои мифических ярлыков, Хуа Цяньшуан — это мужчина из плоти и крови, со своими желаниями, здоровый и сильный альфа, питающий слабость к красивым омегам.

Тема разговора была слишком неловкой, и у Шэнь Чжинаня не хватило наглости обсуждать с незнакомцем детали своей продажи.

Всю оставшуюся дорогу они молчали. Аппарат медленно прошел сквозь мерцающий защитный купол и остановился у входа в роскошный дворец.

Цзян Мэншань открыл люк. Он не вышел, его голос снова прозвучал по-роботически сухо:

— Его Величество за дверью.

Это означало: можешь выходить.

Шэнь Чжинань посидел в тишине, прежде чем встать. Он чувствовал, будто разделился надвое: тело само направилось к выходу, а душа парила где-то под потолком.

Перед тем как покинуть аппарат, Шэнь Чжинань на мгновение пришел в себя. Он обернулся к Цзян Мэншаню и выдавил из себя бледную улыбку:

— Спасибо, глава департамента Цзян.

В темных глазах Цзян Мэншаня промелькнуло едва заметное волнение.

Глава 10: Я согласен, Ваше Величество

Шэнь Чжинань уже смутно помнил события пятилетней давности, когда впервые увидел Хуа Цяньшуана. В памяти осталась лишь размытая картина: темная ночь, сумрачная комната.

Мужчина, купающийся в лунном свете, был точь-в-точь как высокая статуя в центре столицы. Но если та статуя была из холодного нефрита, то стоящий перед ним мужчина был живым, дышащим человеком.

Ощущение было непередаваемым: словно божество из мифов внезапно явилось перед ним, вызывая чувство нереальности, будто паришь над землей.

Он был в ужасе, гадая, зачем правитель империи вызвал его одного, но тогда мужчина, которого народ почитал как бога, произнес слова, которые Шэнь Чжинань запомнил на всю

жизнь:

— Согласен ли ты стать моим омегой?

Для восемнадцатилетнего Шэнь Чжинаня парящий в небесах дворец казался роскошной птичьей клеткой: однажды войдя туда, ты останешься запертым навеки. Несмотря на обещание правителя не принуждать его и уважать его волю, Шэнь Чжинань был до смерти напуган.

К тому же это была тайна императора, и он не мог никому рассказать. Он был так напуган, что ему снились кошмары, будто его насильно увозят во дворец, где он не видит родных и становится запертой птицей для развлечения монарха.

Стоя у дверей спальни императора, Шэнь Чжинань подумал: если бы пять лет назад он от страха не стал умолять отца позволить ему выйти замуж за Фэн Няня, была бы у него эта мучительная пятилетняя семейная жизнь?

Разорилась бы семья Шэнь? Попал бы отец в больницу? Расстались бы брат и сестра? Не ненавидел бы его Фэн Нянь? Смогли бы Фэн Нянь и Цзян Юэин быть вместе?

Прошло пять лет, и он вернулся в исходную точку.

Толкая дверь, Шэнь Чжинань вдруг вспомнил: сегодня годовщина его свадьбы с Фэн Нянем — ровно пять лет.

В день их годовщины Фэн Нянь проводит время с Цзян Юэин, а он сам открывает дверь в покои Хуа Цяньшуана.

Как забавно и иронично.

Две тяжелые створки медленно распахнулись, и за ними показалась высокая, статная фигура. Спустя пять лет Шэнь Чжинань снова увидел самого могущественного альфу Галактической Империи.

Но в этот раз все было иначе: Хуа Цяньшуан был так близко, что Шэнь Чжинань мог разглядеть лицо правителя империи.

Невероятная красота и благородство.

Прежде чем Шэнь Чжинань успел поклониться, Хуа Цяньшуан заговорил первым:

— Шэнь Чжинань, это твой последний шанс. Уходи, я не стану тебя останавливать.

Он сделал паузу, и его взгляд, упавший на Шэнь Чжинаня, был тяжелым, словно валун, не дающий вдохнуть.

— Стоит тебе сделать шаг вперед, пути назад не будет. Неважно, будет ли тебе больно, будешь ли ты плакать и молить о пощаде — я не остановлюсь.

На прекрасном лице Хуа Цяньшуана не дрогнул ни один мускул. Правитель империи давал омеге последний шанс на выбор.

На мгновение Шэнь Чжинань испугался и заколебался. Но вскоре он вспомнил, зачем пришел: отец при смерти, брат и сестра изгнаны, Фэн Нянь и Цзян Юэин... И еще капля желания отомстить Фэн Няню.

— Ваше Величество, мой отец...

Шэнь Чжинань беспокоился о болезни отца, но Хуа Цяньшуан прервал его:

— Цзян Мэншань уже занимается этим.

Ответ был неожиданным, но в то же время закономерным.

Вспомнив слова Цзян Мэншаня в трущобах о том, что Его Величество просил передать привет, Шэнь Чжинань понял: все эти пять лет правитель империи следил за жизнью такого ничтожного человека, как он. Знал о его позоре из-за неразделенной любви, знал о его нынешнем бедственном положении и нуждах.

Хуа Цяньшуан протянул Шэнь Чжинаню красное яблоко из Эдема:

— Переступив этот порог, ты станешь моим. Ты станешь императрицей-консортом, стоящим выше всех в Галактической Империи, матерью будущего правителя.

Хуа Цяньшуан мог даровать ему безграничную власть, статус и богатство.

Кроме любви.

Шэнь Чжинань услышал собственный дрожащий голос:

— Я согласен, Ваше Величество.

Глава 11: Сладко, как цветочный нектар

Парящий в облаках дворец напоминал спящего мифического зверя, затаившегося в толще облаков. В прохладном воздухе, наполненном стрекотом насекомых, внезапно раздался короткий испуганный вскрик — словно голос маленького зверя, попавшего в пасть волка, или звук сорванного с ветки цветка, сладкий и дурманящий.

Едва Шэнь Чжинань закончил фразу, как сильные руки подхватили его. Неожданная потеря опоры заставила его вскрикнуть. Страх перед Хуа Цяньшуаном заставил его подавить ужас, рвущийся наружу.

Самый могущественный альфа империи был на голову выше и гораздо крепче хрупкого омеги. Шэнь Чжинань сжался в комок в объятиях Хуа Цяньшуана, его мысли превратились в кашу, и он позволил нести себя в роскошные, погруженные в полумрак покои.

Тело инстинктивно дрожало от властных феромонов альфы. Шэнь Чжинань боялся даже коснуться одежды императора, он судорожно вцепился в свои собственные одежды. Хуа Цяньшуан двигался быстро, и окружающие предметы в густой ночной тьме сливались в размытые пятна.

Лишь когда его спина коснулась мягкой постели, Шэнь Чжинань пришел в себя. Он хотел было дернуться, но под гнетом мощных феромонов альфы не смог пошевелиться. Неясно, сдался ли он или вспомнил о цели своего визита.

Сегодня годовщина их с Фэн Нянем свадьбы.

Он отдаст себя величайшему богу империи.

Сверху легла тень. Пальцы Хуа Цяньшуана приподняли изящный подбородок Шэнь Чжинаня. Правитель империи внимательно разглядывал дрожащего омегу: кожа Шэнь Чжинаня была нежной и белой, в тусклом свете она отливала матовым блеском, словно приглашая вкушать себя.

У этого красивого омеги были зеленые глаза, похожие на редкие изумруды. Сейчас в них мерцал хрупкий свет, но это не могло остановить правителя от дегустации долгожданного десерта.

Хуа Цяньшуан склонился к самому уху Шэнь Чжинаня, его низкий, обволакивающий голос с хрипотцой прозвучал в тишине:

— Когда я впервые увидел тебя, я подумал: как же красиво будут смотреться эти глаза, когда ты заплачешь.

Шэнь Чжинань вздрогнул, вцепившись пальцами в бархатное покрывало. Хуа Цяньшуан отстранился, давая ему передышку. Он снял одежду, обнажив сильное тело. Каждая мышца казалась выверенной с математической точностью, линии были плавными и красивыми. В них не было грубости, лишь элегантная сила — результат долгих лет сражений.

Шэнь Чжинань взглянул лишь раз и тут же отвел глаза, его руки продолжали мелко дрожать. Пути назад не было. Мощные феромоны альфы, словно невидимые цепи, сковали его по рукам и ногам.

Подушечки пальцев с легкими мозолями коснулись гладкой щеки Шэнь Чжинаня. Хуа Цяньшуан посмотрел на влагу на кончике пальца и, поднеся к губам, слегка попробовал ее.

Вкус белой розы. В империи красные розы пахли страстным цветочным ароматом, а белые — холодным.

— Твои слезы пахнут феромонами. Мне любопытно, есть ли цветочный аромат и в других местах?

Хуа Цяньшуан сжал подбородок Шэнь Чжинаня, глядя на его алые губы, и прищурился:

— Твой муж не только не пометил тебя, он даже ни разу не поцеловал тебя.

— ...Да, Ваше Величество, — Шэнь Чжинань был вынужден поднять подбородок. Он был словно агнец на алтаре, ожидающий, когда с него сорвут шкуру и поглотят целиком.

<http://bllate.org/book/21238/2148648>